

Глава 1

Вилла стояла на вершине холма. С террасы перед фасадом открывался великолепный вид на Флоренцию. За домом находился старый сад, с редкими цветочными клумбами, но красивыми деревьями, аккуратно подстриженными зелеными изгородями, дорожками и искусственным гротом, где серебристо журчала вода, вытекающая из рога изобилия. Обедневшие потомки флорентийского дворянина, построившего эту виллу в шестнадцатом веке, продали ее одной английской чете, а уж они предложили Мэри Пэнтон какое-то время погостить здесь. Хотя комнаты были просторными и с высокими потолками, размерами дом не поражал, поэтому Мэри вполне хватало трех слуг, которых ей оставили новые владельцы. Старинная мебель создавала особый уют, и пусть центральное отопление отсутствовало (приехала

Мэри в конце марта, когда еще было ужасно холодно), Леонарды, владельцы виллы, оборудовали ее теплыми ванными комнатами, так что холод она пережила. Теперь же шел июнь, и Мэри, если никуда не уезжала, проводила большую часть дня на террасе, любуясь куполами и башнями Флоренции, или в саду за домом.

Первые несколько недель пребывания на вилле она уделила много времени достопримечательностям города. Не одно утро провела в галерее Уффици и во дворце Барджелло, заходила в церкви, бродила по старым улицам, но теперь редко бывала во Флоренции, разве что встречалась с друзьями за ленчем или обедом. Ей вполне хватало прогулок по саду и чтения книг, а если уж хотелось куда-то выбраться, она садилась в «фиат» и ездила по окрестностям города. И что могло быть лучше утонченной красоты тосканской природы? Когда цвели фруктовые деревья, когда тополя одевались в листву и их свежая зелень яркими пятнами бросалась в глаза среди сероватых оливковых деревьев, на душе становилось так легко, хотя она уже начала думать, что хорошее настроение ушло от нее навсегда. После трагической смерти мужа, годом раньше, и тревожных месяцев,

когда ей приходилось поддерживать постоянный контакт с адвокатами, собиравшими воедино все, что еще оставалось от его расшатавшегося состояния, она с радостью приняла предложение Леонардов поехать в этот величественный старинный дом, чтобы успокоить нервы и обдумать, как жить дальше. После восьми лет экстравагантной жизни и неудачного замужества выяснилось, что ей — тридцать, у нее прекрасные жемчуга и достаточно большой ежегодный доход, обеспечивающий, при строгой экономии, безбедное существование. Поначалу все выглядело куда как хуже, когда адвокаты, с мрачными лицами, заявили ей, что после выплаты всех долгов у нее, возможно, ничего не останется. Теперь же, проведя два с половиной месяца на этой флорентийской вилле, она чувствовала, что ее не сильно бы беспокоила и такая перспектива. Когда она покидала Англию, адвокат, старый человек и давний друг, отечески похлопал ее по руке.

— Сейчас тебе не о чем волноваться, дорогая моя, разве что о том, как поправить здоровье и набраться сил. О внешности не говорю, тут ничего не изменилось. Ты молода, красива, и я не сомневаюсь, что ты вновь выйдешь замуж. Только в следующий

раз не выходи по любви. Это ошибка. Теперь тебе нужны положение в обществе и верный спутник жизни.

Она рассмеялась. Один раз сильно обожглась и более не собиралась идти на такой риск — связывать себя брачными узами. Но, как это ни странно, обдумывала именно тот вариант, который предлагал проницательный старик-адвокат. И так уж вышло, что решение ей предстояло принять в этот день. Эдгар Свифт уже ехал на виллу. Он позвонил четвертью часа раньше, чтобы сказать, что его неожиданно вызвали в Канны на встречу с лордом Сифейром и он незамедлительно отправляется туда, но до этой встречи ему необходимо увидеться с ней. Лорд Сифейр занимал пост министра по делам Индии, и этот внезапный вызов мог означать только одно — Эдгару собирались предложить тот самый важный пост, который он и рассчитывал получить. Сэр Эдгар Свифт, рыцарь-командор ордена «Звезда Индии»¹, работал в Гражданской службе Индии, как и его отец, и сделал блестящую карьеру. Пять лет он был губернатором Северо-Западных про-

¹ Орден «Звезда Индии» учрежден в 1861 г. Имеет три степени. После 1947 г. (обретение Индией независимости) не вручался.

винций и в период смуты проявил себя с самой лучшей стороны. Когда он покидал эту должность, все сходились в том, что более компетентного человека в Индии нет. Он показал себя блестящим администратором, решительным, но тактичным, а если и ему приходилось употребить власть, он всегда знал чувство меры и проявлял великодушие. Как индусы, так и мусульмане доверяли ему и любили его. Мэри знала сэра Свифта всю жизнь. Когда умер ее отец, еще молодым, и она с матерью вернулись в Англию, Эдгар Свифт, приезжая на родину в отпуск, обязательно проводил с ними достаточно много времени. Ребенком возил Мэри в цирк, девушкой-подростком — в кино и в театры, каждый год присылал ей подарки на день рождения и на Рождество. Когда Мэри исполнилось девятнадцать, мать сказала ей:

— На твоём месте, дорогая, я бы не виделась так часто с Эдгаром. Не знаю, заметила ли ты, но он в тебя влюблен.

Мэри рассмеялась.

— Он же старик.

— Ему сорок три, — сухо ответила мать.

Но он подарил ей изумительные индийские изумруды, когда двумя годами позже она вышла замуж за Мэттью Пэнтон, а уз-

нав, что в семейной жизни она несчастна, проявил максимум сочувствия. Отслужив пять лет губернатором, он вернулся в Лондон. Когда ему сказали, что она во Флоренции, тут же примчался, чтобы повидаться с ней. Но остался, проводя здесь неделю за неделей, и причина, конечно же, не укрылась от Мэри: он выжидал удобного момента, чтобы сделать ей предложение. Как долго он любил ее? Оглядываясь назад, Мэри решила, что с пятнадцати лет, когда он приехал в очередной отпуск и обнаружил, что она уже не ребенок, а юная девушка. Такая верность, безусловно, подкупала. Но, разумеется, разница в возрасте никуда не делась, оставалась неизменной и между девятнадцатилетней девушкой и сорокатрехлетним мужчиной, и между тридцатилетней женщиной и мужчиной пятидесяти четырех лет. За эти годы он многого добился. И казалась абсурдной даже мысль о том, что государство откажется от услуг такого высококлассного специалиста. Конечно же, его вызывали для того, чтобы предложить еще более важный, в сравнении с прежним, пост. Мать Мэри уже умерла, никаких других родственников у нее не было, и она не могла назвать ни одного человека, к которому

она питала такие теплые чувства, как к Эдгару.

— Как же мне хочется с этим определить-ся, — вздохнула она.

До его приезда оставалось совсем ничего. Она задалась вопросом, а не принять ли его в гостиную виллы, упомянутой во всех путеводителях благодаря фрескам, выполненным молодым Гирландайо¹, обставленной мебелью эпохи Ренессанса и с великолепной люстрой. Но Мэри смущала официальная роскошь комнаты, которая могла придать встрече ненужный оттенок торжественности, вот она и решила подождать его на террасе. Ближе к вечеру ей очень нравилось сидеть там, наслаждаясь видом, который не мог надоесть. Этот выбор представлялся ей более естественным. Если уж он действительно собирался сделать ей предложение, свежий воздух, чашка чая, пшеничная лепешка, от которой она откусывала бы маленькие кусочки, упростили бы ситуацию для них обоих. И романтическая обстановка оказывалась отнюдь не лишней. Апельсиновые деревья в кадках, мраморные вазы с цветами,

¹ Доменико Гирландайо (1449—1494) — итальянский художник эпохи Возрождения.

каменная балюстрада по периметру террасы с тронутыми временем статуями барочных святых в каждом углу.

Мэри прилегла на плетеный шезлонг и попросила Нину, служанку, принести чай. Другой шезлонг дожидался Эдгара. Над головой синело чистое, без единого облачка, небо, и город внизу купался в теплом, ярком сиянии второй половины июньского дня. Она услышала шум подъезжающего автомобиля. Мгновением позже Сиро, дворецкий Леонардов и муж Нины, объявил о прибытии Эдгара. Высокий, подтянутый, в прекрасно сшитом синем костюме и черной фетровой шляпе, он выглядел одновременно и спортсменом, и аристократом. Даже если бы Мэри не знала его так хорошо, то сразу бы поняла, что он хорошо играет в теннис, отлично ездит на лошади и отменный охотник. Шляпу он тут же снял, открыв густые черные вьющиеся волосы, едва тронутые сединой. Его лицо сильно загорело под солнцем Индии. Волевой подбородок, прямой нос, карие глаза под густыми бровями, глубоко посаженные, наблюдательные. Пятьдесят четыре? Выглядел он максимум на сорок пять. Красивый мужчина в расцвете сил. Держался с достоинством, но без само-

довольства. Присущая ему уверенность в себе располагала. Никакие сложности не могли поставить его в тупик, он сумел бы найти выход из любого положения. Вот и сейчас не стал тратить время на пустопорожние разговоры.

— Сифейр позвонил мне этим утром и предложил пост губернатора Бенгалии. Они пришли к выводу, что в сложившихся обстоятельствах нецелесообразно назначать человека из Англии, которому потребуется время на ознакомление с местными условиями, прежде чем он сможет начать что-то делать. Вот и решили выбирать из тех, кто эти условия уже знает.

— Разумеется, ты согласился.

— Разумеется. Именно эту работу я хотел получить больше всего.

— Я так рада.

— Но есть необходимость многое обсудить, поэтому этим вечером я еду в Милан, а оттуда самолетом полечу в Канны. Я уезжаю на два-три дня, жаль, конечно, но Сифейр настаивает на нашей немедленной встрече.

— Это естественно.

Его, пожалуй, излишне тонкие губы разошлись в приятной улыбке, глаза весело блеснули.

— Знаешь, дорогая моя, я собираюсь занять очень важный пост. Если мне удастся успешно справиться с этой работой, что ж, будет чем гордиться.

— Я уверена, что ты добьешься успеха.

— Конечно, такая должность — воз работы и огромная ответственность. Но мне это нравится. Разумеется, есть и компенсации. Губернатор Бенгалии живет в роскоши, и, должен тебе сказать, меня это не смущает. И дом у него прекрасный, почти что дворец. Мне придется часто принимать гостей.

Она видела, к чему все идет, но смотрела на него, сочувственно улыбаясь, как будто ничего не понимала. Сердце, однако, учащенно забилось от радостного волнения.

— Разумеется, у человека, занимающего такую должность, должна быть жена. Холостяку просто не справиться.

Ее глаза светились искренностью, когда она на это ответила:

— Я уверена, что многие женщины с радостью согласятся разделить с тобой все это великолепиие.

— Я прожил в Индии почти тридцать лет и, должен отметить, подозревал, что услышу от тебя что-то такое. К сожалению, дело

в том, что есть только одна женщина, которой я мечтаю сделать такое предложение.

Приехали. Ответить ей «да» или «нет»? Господи, как же это трудно, принять решение. Он всмотрелся в нее, чуть изогнув бровь.

— Я делюсь с тобой чем-то таким, чего ты не знаешь, говоря, что влюблен в тебя с тех пор, когда ты была еще ребенком с кудряшками?

Что можно на это ответить? Только звонко рассмеяться.

— Ох, Эдгар, какая чепуха.

— Ты — самое прекрасное создание, которое мне довелось видеть в жизни, и самое желанное. Разумеется, я знал, что у меня нет ни единого шанса. Я на двадцать пять лет старше тебя. Того же возраста, что и твой отец. И почему-то у меня сложилось ощущение, что девушкой ты воспринимала меня, как забавного старого чудака.

— Никогда! — воскликнула Мэри, но не так чтобы совсем уж правдиво.

— В любом случае, влюбилась ты, что естественно, в молодого человека своего поколения. И прошу тебя поверить моим словам. Когда ты написала мне, что собираешься замуж, я лишь надеялся, что ты будешь счастлива.

— Возможно, Мэтти и я поженились слишком молодыми.

— С тех пор утекло много воды, вот я и думаю, а может, теперь наша разница в возрасте не покажется тебе столь важной, как раньше.

Она не знала, что ответить на столь трудный вопрос, и подумала, что лучше промолчать, предоставляя ему возможность продолжить.

— Я всегда следил за тем, чтобы держать себя в форме, Мэри. Я не чувствую своих лет. Но беда в том, что время не властно над тобой, с годами ты становишься только прекраснее.

Она улыбнулась.

— Возможно ли, что ты немного нервничаешь, Эдгар? Такого я от тебя не ожидала. От тебя, мужчины, выкованного из железа.

— Ты — маленькое чудовище. Но ты права, я нервничаю. Что же касается выкованного из железа мужчины, то лучше тебя никто не знает, что в твоих руках я превращаюсь в комок воска.

— Я права, думая, что ты делаешь мне предложение?

— Совершенно права. Ты шокирована или удивлена?

— Определенно не шокирована. Ты знаешь, Эдгар, я всегда питала к тебе самые теплые чувства. Я думаю, ты — самый замечательный мужчина, которого мне довелось знать. Я крайне польщена тем, что ты хочешь жениться на мне.

— Так ты выйдешь за меня?

В сердце вдруг возникла смутная тревога. Определенно он очень красив. И это так здорово — стать женой губернатора Бенгалии, жить во дворце, принимать гостей, знать, что любой твой каприз тут же будет исполнен.

— Ты говоришь, что уезжаешь на два-три дня?

— Максимум на три. Сифейр должен вернуться в Лондон.

— Ты подождешь ответа до своего возвращения?

— Разумеется. В сложившихся обстоятельствах это разумно. Я уверен, будет гораздо лучше, если ты хорошенько все обдумаешь, и мне совершенно понятно — будь ответ «нет», думать тебе было бы не о чем.

— Это правда, — она улыбнулась.

— Тогда давай на этом и закончим. Боюсь, мне нужно идти, если я не хочу опоздать на поезд.